

Александр Ткаченко

СНЕЖНЫЕ ЧУВСТВА

Психологические
этюды
о семейной жизни

ФОМА

НИКЕЯ

Александр Ткаченко

Снежные чувства

«Никея»

2020

УДК 82-97+82-312.2
ББК 86.372

Ткаченко А. Б.

Снежные чувства / А. Б. Ткаченко — «Никея», 2020

ISBN 978-5-907202-39-9

Как справиться с обидой и оставить попытки изменить другого? Чем борьба с грехом отличается от постоянного недовольства собой? И как провести границу между состраданием и ситуацией, когда вами начинают манипулировать? Известный христианский писатель и психолог Александр Ткаченко в своей новой книге раскрывает тонкости душевного устройства человека, основывая свои выводы на многовековой православной традиции. Большая часть книги посвящена взаимоотношениям в семье и воспитанию детей. Автор в свойственной ему легкой ироничной манере разрушает сложившиеся стереотипы и приводит вдохновляющие примеры из собственной жизни.

УДК 82-97+82-312.2

ББК 86.372

ISBN 978-5-907202-39-9

© Ткаченко А. Б., 2020

© Никея, 2020

Содержание

Часть 1. Духовные ловушки	6
Как научиться сострадать	6
Можно ли православному человеку наслаждаться жизнью?	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Ткаченко

Снежные чувства

Психологические этюды о семейной жизни

*Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС
Р19-905-0164*

© ООО ТД «Никея», 2020

© Ткаченко А. Б., 2020

* * *

Часть 1. Духовные ловушки

Как научиться сострадать

«Человек есть существо, страдающее в мире и со-страдающее, раненное жалостью, в этом высота человеческой природы», – писал русский религиозный философ Николай Бердяев. Все мы время от времени переживаем горе сами или же горюем вместе с другими страдальцами, поддерживая их в трудную минуту. Но делаем это очень по-разному. Для одних людей сопереживание кажется естественным, как дыхание, они не испытывают серьезных трудностей при общении со страдающим человеком. Другие же вынуждены прилагать для этого серьезное усилие. Иногда настолько серьезное, что сил на сочувствие просто не хватает и человек вообще отказывается участвовать в чужой беде. Да и с принимающей сочувствие стороной тоже все не так просто, как может показаться.

Многим знакома ситуация, когда в трудную минуту тебя вдруг начинают «утешать» так настойчиво, что ты и про горе свое готов забыть, лишь бы избавиться поскорей от этой «помощи».

Но как бы ни были сложны и противоречивы варианты подобных отношений, а человек в них все же остается тем самым – страдающим и сострадающим существом, раненным жалостью. В этом – мера нашей человечности, необходимый ее минимум, опустившись ниже которого человек просто перестает быть человеком. Поэтому для каждого из нас является насущной потребностью навык, которым, увы, далеко не все владеют, – умение сострадать, не разрушаясь от чужой боли и не причиняя своей жалостью еще больших страданий другому.

Но прежде чем начать разговор об этом умении, необходимо сделать отступление на не менее важную тему – о личных границах.

Соблюдение личных границ другого человека – необходимое условие любви в ее христианском понимании.

Когда мы слышим слово «граница», то сразу же ассоциируем его с неким разделением, отгораживанием от чего-либо. Но это отнюдь не единственная функция границ. Как ни странно, именно они создают возможность межгосударственных отношений, договоров о взаимопомощи, торговле, сотрудничестве. Не будь границ между государствами, исчезли бы и сами государства как субъекты этих отношений. Точно так же и любые отношения между людьми возможны лишь там, где есть я, есть другой и есть границы, определяющие – где заканчиваюсь я и где начинается другой. Там, где этих границ нет, отношения исчезают, уступая место неосознанному обслуживанию чужих чувств, потребностей, капризов и грехов, которые человек начинает воспринимать как свои собственные.

Парадоксальным образом личные границы позволяют нам сохранять свободу, без которой даже любовь превращается в безликое слияние, когда один человек становится частью другого, теряя самостоятельное бытие.

Такую «любовь-пожирание» христианский писатель К. С. Льюис прямо называл бесовской. Вот как комментирует его мысли митрополит Сурожский Антоний: «...Когда мы говорим, что любим человека, что это на самом деле значит? Есть английский писатель Льюис, который написал книгу писем старого беса своему молодому племяннику... Это действительно о духовной жизни, только наизнанку; и вот этот старый черт дает профессиональные советы молодому чертенку, который в свет-то еще только выпущен, о том, как надо относиться к людям, что надо делать для того, чтобы их соблазнить и погубить...»

И вот между прочим он говорит в одном из своих писем с недоумением: „Не могу понять... Христос говорит, что Он любит людей, и оставляет их свободными. Как же совместить это?“ И продолжает: „Я тебя люблю, но это значит, что я хочу тебя взять в свои когти, тебя так держать, чтобы ты от меня никуда не удрал, тебя проглотить, из тебя сделать свою пищу, тебя переварить так, чтобы от тебя не осталось ничего бы вне меня. Вот, что я, – говорит старый черт, – называю любовью. А Христос, – говорит, – любит и отпускает на свободу...“».

Итак, соблюдение личностных границ другого человека – необходимое условие любви в ее христианском понимании. А значит, и проявлять христианское сострадание к ближнему мы можем, лишь с уважением относясь к чужим границам и не забывая о своих собственных.

За просьбой о помощи могут скрываться совершенно разные потребности человека.

Люди часто нуждаются в сострадании, иногда почти открытым текстом просят о нем. Однако за такой просьбой могут стоять очень разные потребности, о которых бы вкратце хотелось сказать, разделив их на несколько категорий.

1. Реальная нужда в эмоциональной поддержке.

Ее испытывают люди, попавшие в беду и чувствующие, что сами уже не справляются со своим горем. Описывать здесь подробно разные варианты тяжелых жизненных ситуаций, наверное, не имеет смысла. К тому же психологическая устойчивость к стрессу у людей разная. Кто-то способен мужественно переживать смерть близких, потерю здоровья, развод, предательство друзей. А для кого-то невыносимым испытанием может стать затянувшаяся ссора с родителями или плохая оценка в зачетной книжке. Поэтому, не конкретизируя, просто прием как факт, что к этой категории относятся все, кому сейчас очень плохо.

2. Неудовлетворенная потребность в общении.

Иногда человеку просто не хватает внимания. С ним некому поговорить, некому его выслушать, ему не с кем поделиться своими чувствами и мыслями. Почему так получилось – отдельный разговор, но вот так уж у человека сложилась жизнь. В какой-то момент он усваивает простую истину: люди бывают гораздо щедрее на беседу именно с теми, кого им хочется пожалеть. И вот уже любая житейская проблема превращается для него едва ли не в катастрофу, недомогание – в начало страшной болезни, мимолетное огорчение – в депрессию. И каждый раз очередная «беда» становится убедительным поводом позвонить родным или близким, чтобы умирающим голосом известить их о том, как все вокруг и внутри ужасно. Ну а далее можно будет позволить встревоженным собеседникам успокаивать себя, выслушивать их участливые, ободряющие слова и чувствовать, что ты все еще нужен, важен и интересен.

3. Откровенная манипуляция, позволяющая добиваться от людей желаемого, вопреки их воле.

Собственно, и предыдущую категорию можно отнести к манипуляциям с той лишь разницей, что ищущий общения и душевного тепла человек чаще всего манипулирует своими ближними неосознанно. Однако этот же принцип можно использовать, вполне отчетливо понимая, что именно и с какой целью ты сейчас делаешь. Например, начать разговор с описания собственных бед и страданий, вызвать у собеседника чувство вины за то, что он такой счастливый и благополучный в сравнении с тобой. А вслед за этим аккуратненько выторговывать себе всевозможные преференции и бонусы в отношениях. Ведь навязанное чувство вины, подобно воровской отмычке, – один из главных инструментов, принуждающих человека сделать для тебя то, чего по своей воле он делать никак не собирался.

С первым пунктом все очевидно: человеку необходима помощь, значит, ее следует грамотно оказать. А вот с оставшимися двумя дело обстоит несколько сложнее. Хотя, казалось бы, чего проще: манипуляция – дело недостойное, и, обнаружив ее в отношениях, следует тут же прекратить общение с такими людьми. Однако как быть, если манипуляторами вдруг ока-

зались не какие-то привокзальные мошенники, промышляющие гаданием, а самые близкие тебе люди – мама, бабушка, выросшие дети или просто кто-то, чьим общением вы дорожите?

Манипуляторов не обязательно нужно с негодованием исключить из числа людей, достойных сочувствия, жалости, сострадания.

Им тоже бывает нужна помощь, просто другого рода. И здесь нужно уметь распознать подлинную их потребность, чтобы дать им именно то, чего они ждут. Так, например, испытывающего дефицит общения человека совсем не обязательно утешать или подбадривать, выслушивая все его стенания. Вместо участия в навязываемом вам спектакле про выдуманные горести куда продуктивней будет аккуратно перевести разговор на темы, которые действительно человеку интересны.

Ведь ему просто хочется поговорить, хочется, чтобы его выслушали, проявили внимание. Поэтому, оставив без реакции его выжимающий слезу рассказ о тщете бытия, можно расспросить его про уникальный рецепт бабушкиного борща, про то, на какую наживку лучше всего зимой идет окунь или кто был вокалистом группы «Deer Purple» в 1975 году.

Разговор о том, что для человека интересно, в чем он преуспел и может поделиться своим опытом, – лучший рецепт для таких случаев.

С очевидными манипуляторами ситуация примерно та же: пропустив «страдальческую» вводную часть разговора и выяснив, чего от вас хотят на самом деле, следует подумать – готовы ли ты сейчас оказать человеку эту помощь. Если да, то открытым текстом можно сказать в ответ примерно следующее: «Я так понял, ты хочешь попросить, чтобы я подменил тебя на праздники и вышел работать в твою смену?» Здесь очень важно, чтобы человек сам озвучил или подтвердил истинное содержание своей просьбы. Тогда из манипуляции ваши отношения перейдут в нормальный разговор двух взрослых людей, каждый из которых берет на себя ответственность за свое поведение. Если же ожидаемую услугу вы оказать по каким-то причинам не можете или не желаете, точно так же следует сначала уточнить у собеседника, чего именно он от вас хочет. После чего спокойно и вежливо ему отказать.

Казалось бы, ничего общего с состраданием и жалостью к ближнему все это не имеет. Но, к сожалению, множество случаев, когда от нас ожидают сочувствия, на поверку оказываются обычными манипуляциями, где нас попросту собираются использовать «втемную» для удовлетворения своих нужд, при этом полностью игнорируя наши желания и возможности. Потакать в этом манипулятору – очевидный грех против ближнего, который, подобно льюисовскому бесу, стремится лишиться свободы и сделать частью себя всех, кого он «любит».

К христианскому состраданию нельзя принудить.

Вот здесь и приходят на помощь личностные границы, позволяющие определить, где заканчиваются наши потребности и где начинаются потребности другого человека. Осознанно пожертвовать своим временем, душевными силами и другими ресурсами человек может, лишь когда ясно видит, что эти ресурсы принадлежат ему и он сам принимает решение поделиться ими. Но если вместо такой осознанности возникает смутное чувство вины, в котором ты уже не понимаешь, чью потребность собираешься удовлетворить – свою или чужую, – тогда смело можно говорить о том, что твои личностные границы взломаны манипулятором, умело руководящим твоими эмоциями и поведением.

В таком состоянии любые проявления твоего сострадания вряд ли возможно будет назвать исполнением христианской заповеди о милосердии: *Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6: 1–2). Ведь тяготы эти можно взять на себя добровольно, а можно просто вдруг обнаружить на шее чужую поклажу, которую туда пристраивают без твоего разрешения, попутно воркуя тебе в уши, что, мол, поклажа-то эта на самом деле твоя, просто ты раньше был не в курсе.

Очевидно, что даже из благих побуждений не стоит участвовать в чужом обмане, пытающемся натянуть одежды сострадания на обычную человеческую слабость и безволие.

Иисус Христос, отдавая в жертву за отпавших от Бога людей Свою жизнь, сказал: *Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее. Сию заповедь получил Я от Отца Моего* (Ин. 10: 18). Подобную власть – добровольно жертвовать собой ради других – каждый христианин получает в Святом Крещении. И это действительно – власть, которой нужно дорожить, не забывая о ее высоком происхождении. Христианское сострадание не может быть вынужденным, оно всегда – плод свободного выбора в пользу любви. Там же, где это сострадание пытаются выдать обманом и манипуляциями, впору вспомнить, как фарисеи пытались обмануть Иисуса Христа, спрашивая у него духовного наставления. И как они в итоге получили это наставление, но лишь после гневных слов Учителя: *Что искушаете Меня, лицемеры?*

У страдающих тоже могут быть различные мотивы, иногда имеющие мало общего с действительным участием в боли другого человека.

Таковы, например побудительные причины к помощи у людей со слабыми личностными границами. Рядом с чужой бедой – подлинной или мнимой – они всегда чувствуют себя виноватыми и своим состраданием как бы стараются искупить эту вину, хотя ни в чем не провинились. Отсутствие личностных границ превращает душу такого человека в проходной двор, куда может вторгнуться кто угодно и вести себя как ему вздумается. Такие люди чаще других становятся жертвами манипуляторов, они никому не в силах отказать, потому что в случае отказа чувство вины может стать непереносимым.

Со стороны может показаться, что это и есть настоящая жертвенность. Но на самом деле люди этого типа через сострадание всего лишь обслуживают свою болезненную зависимость от чужого эмоционального состояния.

Главным признаком такого «неправильного» сострадания можно считать чувства самого помогающего после оказания помощи. Неуходящее ощущение вины, «втянутости» в чужую проблему настолько, что человек думает о ней все время, забывая о своих делах, а также вызванное всем этим легкое раздражение, которое постоянно приходится подавлять, – вот картина сострадания, способного вместо помощи другому разрушить самого страдающего.

Нельзя под видом помощи и сострадания увлекаться реализацией своих амбиций.

Другой вариант подмены мотивов – нереализованная жажда власти, контроля над другими людьми. Раздавленный горем человек бывает очень беззащитен. В этом состоянии он может ощущать себя как маленький ребенок, нуждающийся в помощи взрослого. И если у помогающего есть скрытое стремление управлять и властвовать, ему в такой ситуации следует быть очень внимательным к своим чувствам, чтобы под видом помощи и сострадания не увлечься реализацией своих амбиций.

Возможны и другие «плюшки», ради которых человек готов терпеть чужую боль, например – подтверждение собственной значимости или чувство нужности, востребованности.

Ничего ужасного в этом нет. Творить добро ради самого добра – дело людей совершенных и бесстрастных. А творить добро, имея в виду также и собственную пользу, – удел большинства из нас. Преподобный авва Дорофей в своих «Душеполезных поучениях» пишет: «Трояким образом... можем мы угодить Богу – или благоугождаем Ему, боясь муки, и тогда находимся в состоянии раба; или, ища награды, исполняем повеления Божии ради собственной пользы и посему уподобляемся наёмникам; или делаем добро ради самого добра, и тогда мы находимся в состоянии сына».

И если вдруг мы обнаружим, что наше сострадание не совсем бескорыстно, это означает лишь, что в исполнении заповеди Христовой о милосердии мы пока еще подобны рабу или наемнику.

Но и такое сострадание, по слову аввы Дорофея, тоже угодно Богу. Важно лишь сознавать в себе эти свои «побочные» мотивы и стараться держать их под контролем, помня, что главная задача тут все же – удовлетворение потребностей человека, попавшего в беду.

Одно из главных правил в общении с горюющим можно сформулировать так: если не знаешь, что сказать, – лучше молчи.

Цена пустому или необдуманному слову в кризисной ситуации многократно усиливается, вместо поддержки и утешения оно может нанести и без того страдающему человеку еще одну рану.

Хотя молчать рядом с чужим горем тоже ой как непросто. Ведь сострадание – это совместное страдание. И бывает так, что человек сначала искренне хочет помочь, поддержать ближнего в беде. Но, приблизившись к его боли, приняв ее часть на себя, не выдерживает и пытается любыми средствами от этой боли убежать. Совсем оставить горюющего вроде бы как совесть не позволяет (хотя бывает и такое: человек от страха вновь испытать в сострадании чужую боль просто перестает брать трубку телефона, не навещает, не отвечает на письма).

И тогда у него будто сами собой начинают вырываться, увы, ставшие уже традиционными формулы «утешения»: «Не плачь, другим еще хуже, чем тебе», «Теперь ему (умершему) лучше, чем нам», «Хорошо еще, что у вас не один ребенок». Все эти и подобные им фразы рождены отнюдь не состраданием, а прямо противоположным ему чувством – стремлением испуганного сердца обесценить чужую боль и лишь после этого взять на себя часть такого «обезвреженного» страдания. Конечно же эти попытки не приносят никакого облегчения горюющему, поскольку направлены на удовлетворение потребности напуганного «жалельщика».

Еще один способ ухода от чужой боли под личиной сочувствия – прямой запрет на горевание: «Ну что ты раскис? Прибодрись, держи себя в руках», «Не горюй, все будет хорошо», «Ты должна выдержать, нужно жить дальше».

Ну и, наконец, самый «благородный» вариант – сравнение с собой-любимым: «Когда у меня мама умерла, я чуть с ума не сошла», «Я знаю, как тебе сейчас трудно, сам прошел через это».

Все эти вроде бы призванные утешать слова на самом деле выполняют лишь одну задачу – прекратить переживание человеком своего горя, ну или хотя бы уменьшить его силу. Потому что нам рядом с ним – больно. А мы хотим, чтобы нам больно не было.

Горюющему человеку нужно помочь пройти все стадии горевания.

Между тем у горюющего человека совсем другая потребность. Ему нужно непременно дать выход эмоциям, которые его сейчас буквально разрывают на части. Если их просто подавить (а именно это предполагают описанные выше варианты «жаления»), они впоследствии могут натворить много бед, став причиной неврозов и психосоматических заболеваний.

Поэтому горюющему человеку нужно прежде всего помочь пройти все стадии горевания, прочувствовать боль утраты, выплакаться, отгневаться, элементарно поныть-пожаловаться, поплакать на плече у тех, кто готов выслушивать все это, не разрушаясь и не прерывая этот жизненно важный процесс.

Когда-то в деревнях была такая специальная профессия – плакальщицы. Это были женщины, которых приглашали на похороны для создания скорбной атмосферы. Плакальщицы выступали в качестве своеобразного «детонатора» эмоций, которые у горюющих родственников могли быть подавлены шоком от свалившегося на них несчастья. Рядом с безутешно рыдающими плакальщицами горюющему человеку было легче и самому наконец дать волю слезам и рыданиям, освобождаясь от грозных последствий неотработанного на телесном уровне

стресса. Сегодня такой профессии нет, а плач даже в скорбных обстоятельствах многие люди считают для себя недопустимым.

Между тем это абсолютно естественное движение человеческой природы, и лучшее тому доказательство – слезы Иисуса Христа, встречающего плачущих родственников и друзей умершего Лазаря. Более того, у христиан есть прямая заповедь именно о такой помощи горюющим: *...плачьте с плачущими* (Рим. 12: 15).

Если же для этого нет душевных сил, можно вспомнить, как сострадали праведному Иову его друзья, пришедшие поддержать его в горе: *...И сидели с ним на земле семь дней и семь ночей; и никто не говорил ему ни слова, ибо видели, что страдание его весьма велико* (Иов 2: 13). Далее Иов вдруг начинает гневаться и проклинать ночь своего зачатия, день своего появления на свет и всю свою жизнь. Он говорит долго и страстно, но друзья опять ни словом, ни жестом не мешают ему. Лишь когда Иов закончил свой гневный вопль, они очень деликатно вступают с ним в диалог: *...если попытаемся мы сказать к тебе слово, – не тяжело ли будет тебе?* (Иов 4: 2). Книга Иова очень древняя, событиям, описываемым в ней, более трех тысяч лет. Однако поведение друзей страдающего Иова и сегодня можно рассматривать как важную практическую рекомендацию для сострадающих. Они просто находились рядом, своей молчаливой поддержкой помогая страдальцу пройти две первые, очень тяжелые стадии горевания – шок от случившегося и последующий за этим гнев.

Определяющий признак правильного сострадания – осознанность, ясное понимание картины происходящего в собственной душе.

Но тут еще раз нужно повторить, что быть рядом с чужими слезами и чужим гневом – дело совсем не простое. Осуществлять сострадание нам помогают два весьма отличающихся друг от друга психологических процесса – эмпатия и слияние. От того, какой из них мы используем, будет напрямую зависеть и практический результат наших действий.

При эмпатии мы сочувствуем другому человеку, то есть чувствуем вместе с ним, понимая, что с ним происходит, в чем он нуждается. Однако при этом мы продолжаем воспринимать также и свои чувства, понимаем, что и почему происходит в этот же момент и с нашей душой.

То есть речь снова идет о наличии личностных границ, позволяющих сострадать без отождествления себя с горюющим, оставаясь собой. Если же границ нет или они слишком размыты, мы тоже чувствуем вместе с другим человеком, но – как бы сливаемся с ним, «теряя» себя. Самые яркие признаки такого слияния – иррациональное чувство вины и ответственности за последствия чужих поступков. При слиянии выдерживать груз чужой боли неизмеримо труднее. Поэтому такое сострадание чаще всего заканчивается либо бегством от непосильной ноши, либо быстрым истощением собственных ресурсов, когда помогающий уже и сам будет нуждаться в чьей-то поддержке.

Знаменитый австрийский писатель Стефан Цвейг удивительно точно описал двойственность человеческого стремления к сочувствию: «Есть два рода сострадания. Одно – малодушное и сентиментальное, оно, в сущности, не что иное, как нетерпение сердца, спешащего поскорее избавиться от тягостного ощущения при виде чужого несчастья; это не сострадание, а лишь инстинктивное желание оградить свой покой от страданий ближнего. Но есть и другое сострадание – истинное, которое требует действий, а не сантиментов, оно знает, чего хочет, и полно решимости, страдая и сострадаая, сделать все, что в человеческих силах и даже свыше их». Наверное, лишь с последней фразой Стефана Цвейга можно было бы поспорить: брать на себя то, что превышает твои силы, – дело все-таки рискованное в любом случае.

В остальном же здесь все верно как с христианской, так и с психологической точки зрения. Определяющий признак правильного сострадания – осознанность, ясное понимание картины происходящего в собственной душе, которая «знает, чего хочет».

Именно осознанное переживание чужой боли, желание помочь и готовность терпеть эту чужую боль позволяют человеку оставаться в сострадании и действовать на благо страдающего. Или, проще говоря, позволяют, по апостольскому слову, плакать с плачущими и, как говорил Бердяев, быть существом страдающим и сострадающим, раненным жалостью. То есть – человеком.

Можно ли православному человеку наслаждаться жизнью?

Есть в духовной жизни вопросы, на которые невозможно ответить однозначно. Не потому, что ответа нет или он слишком сложен для восприятия. А потому, что духовная жизнь человека в христианстве – это не застывшая раз и навсегда бетонная плита с нанесенными на нее правилами и регламентами. Скорее, она – росток, сначала пробивающийся из маленького семечка, потом робко выпускающий первые листки, постепенно крепнущий, набирающий силу и наконец – превращающийся в могучее, полное сил дерево. Могут ли быть одинаковыми рекомендации по уходу за деревом на различных этапах его развития? Очевидно, что условия, в которых может нормально жить взрослое растение, могут оказаться губительными для молодого ростка. Так и для новоначальных христиан Церковь предлагает совсем иные советы, чем для укрепившихся в духовной жизни подвижников.

Хотя конечно же для молодого, горячего сердца естественно в любом деле стремиться к пределам возможного. Во все времена в Церкви были, есть и будут «русские мальчики», как их называл Достоевский, готовые, подобно Алеше Карамазову, сказать: «Не могу я отдать вместо „всего“ два рубля, а вместо „иди за мной“ ходить лишь к обедне».

Это искреннее их желание исполнить слова Христа буквально и в максимальной полноте веками становилось той самой духовной почвой, на которой вырастали такие светильники веры, как Сергей Радонежский и Серафим Саровский.

И все же общим правилом по отношению к максималистским устремлениям новоначальных в Церкви принято считать древнее святоотеческое наставление: «Если увидишь юношу, последующего своей воле и восходящего на небо, то возьми его за ногу и низвергни на землю, потому что такое восхождение на небо пагубно для него».

Причина этому проста: без опытного духовного руководства слишком большая ревность в исполнении евангельских заповедей способна привести лишь к таким же большим неприятностям. Как молодой саженец еще не в силах вынести шквальных порывов ветра, и потому его подвязывают к надежной опоре, так и для новоначального христианина может оказаться непосильным и губительным полное отречение от мирских дел и забот. А признаком начинающегося духовного здоровья в этот период, как это ни странно, является сознание того, что твой духовный уровень – это как раз регулярно ходить к обедне и вместо «всего» отдавать бедным хотя бы небольшую часть своего дохода.

Поэтому отвечать на вопросы, заданные в письме, мы попробуем именно в этом ключе – не забывая о высоте евангельского призвания и в то же время помня об опасности преждевременных самочинных подвигов.

«Начинающего» христианина попытка сразу же примерить на себя образ жизни святых часто приводит к разочарованию в себе.

Может ли христианин жить для себя? Ответ на этот вопрос, казалось бы, очевиден – Христос сказал: *...если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16: 24). Однако у каждой евангельской заповеди, кроме ее содержания, есть еще и некое вертикальное измерение – мера ее исполнения каждым христианином в соответствии с его духовным состоянием.

С запрещающими грех ветхозаветными заповедями в этом смысле дело обстоит куда проще: сказано – «не укради», украл – значит, нарушил; сказано – «не прелюбодействуй», значит, любая любовная интрижка на стороне отлучает тебя от Бога и от народа Божьего. Но как быть, например, со словами Христа: *...любите врагов ваших?* Ведь даже для искренне желающего исполнить эту заповедь человека диапазон возможностей очень широк. Можно возлюбить своего врага так, чтобы при необходимости отдать за него свою жизнь, подобно Христу.

А можно хотя бы просто перестать его ненавидеть, не желать ему зла в душе, увидеть в нем такого же человека, как ты сам, так же страдающего от греховной поврежденности и нуждающегося в Божьей любви и спасении. Между этим первым шагом к исполнению заповеди и вершиной самопожертвования – долгий путь, на котором Бог постепенно изменяет человека. Шаг за шагом, в каждом поступке, слове, мысли, человек может освобождать для Бога все больше и больше пространства в своем сердце. Но, как говорят китайцы, путь в десять тысяч ли всегда начинается с первого шага.

Заповедь об отвержении себя тоже предполагает начало, путь и вершины совершенства. И для человека, только начинающего жить по Евангелию, попытка сразу же примерить на себя образ жизни великих святых обычно приводит лишь к разочарованию в себе и унынию. А там, где появилось уныние, обязательно возникают и сомнения: «А правильную ли дорогу я выбрал? Быть может, христианство вообще не для таких, как я, а для одних лишь гигантов духа с железной волей и несокрушимой решимостью?»

Подобный ход мысли отнюдь не нов. Еще в IV веке многие жители Византии отказывались принимать Крещение, мотивируя это тем, что не смогут отказаться от привычного образа жизни, любимых дел и увлечений. И в том, что христианская жизнь по Евангелию вовсе не потребует от них столь радикального отказа, убеждал людей в ту пору не кто-нибудь, а сам святитель Иоанн Златоуст: «...Зачем ты убегаешь? Так, скажешь, я не могу соблюсти заповедей. Но разве Бог заповедал невозможное? <...> Разве не позволено тебе заниматься делами? Разве я отвлекаю тебя от жены? Удерживаю тебя только от прелюбодеяния. Разве от пользования имуществом? От любостяжания только и хищения. Разве принуждаю раздать все? Только немного, по мере возможности, уделять нуждающимся. <...> Разве принуждаем поститься? Запрещаем только предаваться опьянению и пресыщению. Устраняем то, что причиняет тебе бесчестье, что и сам ты еще здесь, прежде геенны, уже признаешь постыдным и ненавистным. Разве запрещаем веселиться и радоваться? Только бы это было не постыдно и не бесчестно».

Как видим, для новоначальных христиан планка отвержения себя тут предложена совсем невысокая: откажись хотя бы от того, что и сам в глубине души считаешь недолжным и вредным. А когда жизнь будет очищена от грубых грехов и страстей, в открывшейся перспективе, словно в отмытом окне, станут видны новые задачи и цели, ранее скрывавшиеся за слоем греховной грязи. Так мало-помалу Бог ведет человека с одного уровня познания собственной греховности на другой, с него – на следующий.

Конец такому путешествию в глубины собственного сердца наступает лишь вместе с окончанием земной жизни человека и его вхождением в вечность. Но продвигаться по этой духовной лестнице возможно только при условии неперемennого приведения в порядок той ее ступеньки, на которой ты стоишь сейчас. Любая попытка перепрыгнуть сразу же через несколько ступенек чревата непредсказуемыми последствиями. Преподобный Серафим Саровский говорил об этом так: «Все делай потихоньку, полегоньку, не сразу, не вдруг. Добродетель – не груша. Ее сразу не съешь!»

*Мы никогда не можем знать наверняка, так ли уж пусты те люди,
которых мы считаем беспечными прожигателями жизни.*

Этот же принцип постепенности движения к добродетели в христианстве лежит и в основе заповеди «не судите». Глядя на одни лишь внешние обстоятельства жизни других людей, мы никогда не сможем дать справедливую оценку состоянию их духа, динамике их приближения к Богу. Ступеньки чужой духовной лестницы закрыты от нашего взгляда, мы не знаем, из какой греховной бездны выводит Господь другого человека и какова цена усилиям, которые он приложил для того, чтобы оказаться в нынешнем своем состоянии. Английский писатель-христианин Клайв Стейплз Льюис писал: «Когда человек, с детства воспитанный так дурно, что считает жестокость нормой, совершает добрый поступок или удерживается от

жестокости, рискуя вдобавок подвергнуться насмешкам своих товарищей, то в глазах Божьих он, возможно, совершил нечто большее, чем совершили бы мы с вами, отдав свою жизнь за друга».

Наверное, ровно то же самое можно сказать о людях, которые, обладая материальным достатком, путешествуют по миру, развиваются и радуются жизни в то время, когда вокруг столько человеческих страданий, боли и горя. Мы видим лишь внешнюю канву чужого бытия, сокровенная же жизнь духа каждого человека открыта лишь Богу. Возможно, многие из тех, кого мы считаем беспечными прожигателями жизни, на самом деле идут в Царствие Божие впереди благочестивых и высоконравственных христиан уже хотя бы потому, что их «старт» в этом путешествии состоялся из таких смрадных духовных низин, о которых нам лучше и не знать вообще. И каждый шаг в направлении к свету Христовой истины дается им куда тяжелее, чем нам.

А бывает и так, что за блеском внешнего благополучия скрывается самый настоящий подвиг любви к ближним, без всяких оговорок и пояснений. Положа руку на сердце, наверное, каждый из нас может признаться, что его хотя бы раз в жизни возмущало благополучие знаменитых спортсменов, их фантастические заработки, роскошная жизнь и прочие атрибуты материального успеха. Капитан хоккейного клуба «Локомотив» Иван Ткаченко тоже был весьма обеспеченным человеком – зарабатывал миллионы, жил в просторной квартире, возил семью на зарубежные курорты, ездил на дорогом автомобиле. То есть относился как раз к категории людей, которые позволяют себе путешествовать, развиваться, радоваться жизни, в то время как множество несчастных рядом с ними терпят нужду и всевозможные бедствия.

7 сентября 2011 года самолет, в котором команда «Локомотив» летела на очередные соревнования, не смог набрать необходимую скорость при взлете и разбился. Из команды в этой катастрофе не выжил никто. Погиб и ее капитан Иван Ткаченко. Лишь после его трагической кончины выяснилось, что спортсмен уже много лет тайно переводил большие суммы денег на лечение больных детей. Свои переводы он подписывал просто – «Иван Леонидович». Все, кому он помог выздороветь, до самой его гибели даже не подозревали, что таинственный «Иван Леонидович», перечисляющий сотни тысяч на их лечение, – это тот самый знаменитый хоккеист Иван Ткаченко, капитан ярославского «Локомотива». Работникам благотворительного фонда, через который спортсмен перечислял деньги, он запретил при любых обстоятельствах раскрывать его имя. Последний перевод – в полмиллиона рублей, на лечение онкобольной девочки из Воронежа, – Иван Леонидович сделал, уже сидя в кресле самолета, за несколько минут до своей гибели.

На примере святых видно, что духовный рост и стремление к успеху не обязательно исключают друг друга.

Может ли христианин иметь желания и мечты, идти к их исполнению, развиваться, стремиться к большему, достигать успеха и наслаждаться этим (благодаря Богу)? И самое главное, будет ли это вести его к главной цели – спасению?

Для ответа на эти вопросы совсем не обязательно выстраивать сложные богословские формулы. Достаточно лишь обратиться к истории Церкви и посмотреть, как обстояло дело со всеми этими вещами у святых, в спасении которых никто не сомневается.

Итак, начнем с развития.

Иоанн Златоуст обучался в школе крупнейшего позднеантичного ритора Ливания. Это обучение не было христианским: Ливаний исповедовал язычество и очень горевал о христианской вере своего лучшего ученика. Рассказывают, что перед смертью на вопрос, кому бы он мог поручить свою школу, Ливаний ответил: «Иоанну, если бы христиане не похитили его у меня». Закончив обучение, будущий Златоуст стал адвокатом в Антиохии.

Василий Великий получил прекрасное образование в Кесарии и Константинополе, а закончил его в Афинах, где обучался в знаменитой академии, основанной самим Платоном в 390-х годах до Рождества Христова. За шесть лет, проведенных в ее стенах, Василий добился прекрасных результатов в целом ряде дисциплин: риторике, грамматике, метрике, философии, астрономии, геометрии, арифметике. Он также изучал медицину, несмотря на то что она не входила в общую образовательную программу. Его отец, будучи оратором и законоводителем, видел в сыне продолжателя своего дела.

Также отличником в Афинской академии был и лучший друг Василия – Григорий Богослов. Академия была языческим учебным заведением. Тем не менее отвергая все преподаваемые там языческие мифы, будущие святители очень высоко ценили знания о мире и обществе, которые там получали. И лучшим ответом на вопрос, имеет ли христианин право развиваться и учиться, если это не ведет его к спасению, наверное, будут вот эти слова Григория Богослова: «Я думаю, что всякий, имеющий ум, признает ученость первым для нас благом. И не только эту благороднейшую и нашу ученость, которая, ставя ни во что изысканность и пышность в слове, имеет своим предметом одно спасение, но и ученость внешнюю, которой многие христиане, по невежеству, гнушаются как ненадежной, опасной и удаляющей от Бога».

Под словами «стремиться к большему и достигать успеха» обычно предполагается продвижение по карьерной лестнице. Здесь тоже принципиальным является вопрос, есть ли среди святых примеры успешной светской карьеры и мешали ли им высокие должности оставаться христианами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.